

Концепт судьбы в мировоззрении русского и западноевропейского человека по материалам художественной литературы VIII-XIII вв.

Смирнова Екатерина Юрьевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия

E-mail: ekanerina@yandex.ru

В современном мире с его глобализацией и углубляющимися межкультурными и международными контактами неизменно встают вопросы наличия или отсутствия различий между теми или иными культурами. Сравниваются не только личная и общественная жизнь людей, но и фундаментальные основы мировоззрения и менталитета, заложенные в культуре. К таковым относят и концепт судьбы.

Проблема судьбы относится к одной из вечных проблем философии. Каждый человек, осознанно или бессознательно, определяет для себя, какова сущность судьбы и какое место она занимает в его жизни. И, хотя это личный выбор человека, существуют константы, свойственные отдельным регионам, что наиболее заметно в произведениях художественной литературы. В этой работе мы рассмотрим такие регионы, как Россия и Европа на одном временном отрезке - с VIII по XIII вв., который в историографии традиционно относят к Средним векам.

Для анализа были выделены различные смысловые составляющие концепта судьбы. Судьба-доля обозначает предопределение жизни, данный человеку при рождении определенный (заданный) набор возможностей, которые он реализует в течение своей жизни. Судьба-случай подразумевает определенное стечение обстоятельств, которое может проявляться в удаче/неудаче, счастье/несчастье, и характеризуется изменчивостью, непредсказуемостью. Судьба-рок обозначает предопределение смерти и дальнейшего пути человека, его «жизни после смерти».

Как для древнерусского человека, так и для средневековых европейцев характерно придание большого значения концепту судьбы и его различным составляющим. Это хорошо прослеживается как в устном эпосе (русских былинах, скандинавских сагах), так и в первых памятниках письменной литературы (Слово о полку Игореве, Беовульф и др.). Однако в древнерусской литературе слова «судьба», «рок», «доля» вводятся в повествование значительно реже, чем в европейской, где они употребляются и как самостоятельные понятия, и как части устойчивых оборотов «кто ж рок переспорит», «так решила судьба» [1] и др.

В обеих культурах присутствовала Судьба-доля, которая давалась от Рода и обуславливалась связь человека с семьей, матерью, предками, позже - с сестрами Долей и Недолей в русской культуре и норнами - в европейской. С принятием христианства долей человека стал наделять Бог. Так, в былине о Добрыне Никитиче читаем:

Ах ты ей, государыня родна матушка!

Ты на что меня, Добрынюшку, несчастного породила? <...>

Я бы рада тебя, дитятко, породити

Таланом-участью в Илью Муромца... <...>

Сколько тыя статьи есть, а других бог не дал,

Других бог не дал, не пожаловал [2].

Концепт судьба-рок также достаточно полно представлен в древнерусской и средневековой европейской литературе. Это выражается, прежде всего, в различных предзнаменованиях, вещих снах. Здесь наиболее ярко проявляется свобода выбора человека его судьбы: внять предзнаменованию или пойти против него, бросить вызов судьбе-смерти. И на Руси, и в Европе зачастую выбирали второе, что расценивалось как истинно героический поступок и возвеличивало, прославляло человека.

В мировоззрении древнерусского человека существовало и особое понимание судьбы как изменчивой удачи/неудачи. Именно мотив изменчивости судьбы, которую можно было накликать или заслужить, приобрести или потерять, не имеет ярких примеров в европейской литературе, однако широко представлен в произведениях древнерусской. При этом «творцом своей судьбы» может быть как сам человек, который, удачно женившись, приобретал удачу и счастье, так и некие внешние злые силы, которые вдруг налетали и приносили (чаще всего) несчастье, горе:

Я не знаю нонь, обидна красна девица,
откуль напасть велика буде кручинушка;
посмекаю я девичьим умом-разумом,
с океан-моря напасть ли,
аль с холодной, с подсиверной сторонушки,
аль с темных лесов невзгодушка дремучих. [3]

Еще одним важным отличием является коллективное понимание судьбы на Руси. Если в Средневековой Европе судьба понималась исключительно как индивидуальная категория, относящаяся к конкретному человеку, то в русском мировоззрении существовало две проекции: индивидуальная и коллективная. Первая совпадала с европейским пониманием личной судьбы, вторая же указывала на общую судьбу целого общества (семьи, дружины, жителей одного селения или всей Руси). При этом это было не просто принятие коллективной ответственности за те или иные действия (мотив, встречающийся и у европейцев), а осмысление себя как части одного целого организма, обладающего своей единой судьбой, то, что много позже было выражено в понятии «соборности» русских людей.

Таким образом, понятие судьбы является универсалией, присутствующей и в русской, и в европейской культуре. В понимании и трактовке феномена судьбы, прослеживающихся в художественной литературе этих двух культур, существуют как общие черты (наделение человека долей, свобода выбора своей судьбы), так и различия (наличие изменчивой судьбы-удачи и коллективизм в русской культуре, с одной стороны, и индивидуализм в европейской культуре - с другой). Эти различия указывают на то, что существуют некие региональные константы, прочно вошедшие в мировоззрение и миропонимание жителей данного культурного региона.

Источники и литература

- 1) Шлапоберская С.Е. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., Книга по Требованию, 2012.
- 2) ЭНИ «Былины и песни». Добрыня в отъезде: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/dna/dna-2292.htm>
- 3) Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов. Судьба-доля в на-

родных представлениях славян. СПб., Типография Императорской Академии Наук, 1879.